

84(2=411.2)6
1К63

СЕРГЕЙ КОМАРОВ

БРАТІЯ

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1. ФИО читателя: _____

2. Должность: _____

3. Место работы: _____

4. Адрес: _____

5. Контактный телефон: _____

6. Дата выдачи: _____

7. Срок возврата: _____

8. Подпись ответственного лица: _____

9. Подпись читателя: _____

10. Подпись библиотекаря: _____

84(2-411,2)6
К63

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
Центральная городская библиотека
АБОНЕМЕНТ
625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

181778/4И+
18/1

СЕРГЕЙ КОМАРОВ
БРАТІЯ

Тюмень, 2018

УДК 821.161.1-1
ББК Ш44 (2Рос-4Тюм) 6-5
К630

Комаров Сергей. Братия: книга стихов.
Тюмень: «Печатник», 2018. 32с.

Новая книга стихов Сергея Комарова включает тексты, написанные в 2017 – 2018 годы, и вместе с предыдущими книгами автора «Изречие» (Тюмень, 2015) и «Медленнее» (Тюмень, 2016) мыслится им как трилогия.

В оформлении обложки и разделов книги использованы рисунки Микеланджело.

ISBN 978-5-4266-0151-2

Отпечатано в типографии ООО «Печатник»
Тюмень, ул. Республики, 148 корп. 1/2.
Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86

Тираж 500 экз. Зак. № 0402

© Комаров С.А.
© Граник С.-М., оригинал-макет

СОДЕРЖАНИЕ

I ВЛОЖЕН В КОСТЮМ

«В долине давят виноград...»	6
«Говорю же: крестьянин...»	7
«Мы прижались, как буква к букве...»	8
Историческое кино	10

II НАЗВАТЬ УШЕДШЕГО И УГАДАТЬ ОБЪЁМ

«Не попадает слово на предмет...»	14
«Из книг ушли слова...»	15
«Остались высоты, длинноты, объёмы...»	16

III И В ВЕДОМОСТИ ИМЯ	
«Мой мальчик, ты рвёшься ко мне...»	18
«Стоит извилист, не мозжась...»	20
В хосписе	21
«По земной коре...»	22
IV УТАИВАТЬСЯ В СВЯЗЬ	
«Чего так ждут твои поля...»	24
Замедляясь	26
«Чтоб облегать меня...»	31
«Возьми моё имя – дай имя горе...»	32

|
ВЛОЖЕН
В КОСТЮМ

1/1

В долине давят виноград –
и все при деле.
Тебе ж опять влачить наряд
в имперском теле.
И с недосыпу автомат
плечо тяжелит.
В долине давят виноград.
Прохлады зелень
в горах, в долине – сонный взгляд
бдит на пределе.
И давит сердце виноград –
когда и все ли
придём на северный закат,
где хором пели
на школьной сцене, стоя в ряд,
с душой – без цели.
Взлетели в пении, как в сад
залезть посмели.
В долине давят виноград –
что по постели.

Говорю же: крестьянин.
Природный устав –
среди воды и дубрав,
лошадей и колёс
навидался земли,
и намаял земли,
и молчанье пронёс,
не любя городских,
разречливых.

Муравей деловит
через бот шевелит
телом малым,
как будто поджарым.
Егозит стрекоза,
пялит в оба глаза,
на штакетник присев
и почти окосев,
озирая как скот
сквозь деревню бредёт.

Молоко нагулявши теряют,
и хвостами лениво хлестают.
Хор затеян, мычания хор,
только каждая знает свой двор,
поворот, где встречаются,
впускают.

Мы прижались, как буква к букве,
кем начертаны, кем прижаты,
наших спин костяные луки
кем изогнуты и для жатвы
перетянуты. Стрел игралища
нечитаемо ходят, буквятся.
В словарях вымерз смысл «товарищи»,
безъязыко «три» стекли в улицы.
Ночь топорщится, речь щетинится,
фонарится дождь покосившийся.
И, раскинувшись, буква ижица
остывает в пол, с нами слившись.

Поутру поёт наша жизнь – сестра,
за градами брат известняк воспел.
И бомжатся в степь языки костра,
век слепой летит в книжный неudel.
Так о чём свистишь в ванной поутру
и зачем скребёшь по щеке станком –
дерева и те толстят в мир кору,
птичий твой язык ографят трудом.
Скажут: просвистел, вертикалил, но...,
всё сошлось бы в стык на немом кино,
буква к буковке. Чёрно-белые
прижимаются, кассу делая.
Перетянуты, стрел игралища
нечитаемо ходят, буквятся.
В словарях вымерз смысл «товарищи»,
безъязыко «три» стекли в улицы.

ИСТОРИЧЕСКОЕ КИНО

! Ты вложена в платье,
он вложен в костюм –
поплыли на камеру
в млеющий шум,
сиренный и должный:
прими дар богов.
Молчит многоумный,
к иному готов.
Льёт воду из чаши
злокудрый молчун:
здесь кормят и платят
меж жестом «хочу».

II

Сцена вторая:
вечеря, и он
по правую руку,
как дева, склонён,
защитник поэтов
святой Иоанн
молчаньем любви
наполняет экран.

III

Третья сцена.
Рыцарь копьё
своё опустил
во служенье Её.
Оружие принял
верный юнец,
предан, покорен
желаньям сердец.

IV

Сцена четвёртая.

Тамбур, вагон,
едут с учений,

стаканников звон.

Погон передёрнут,
вновь тамбур прикрыт,
юноша бритый
рыдает навзрыд.

||

НАЗВАТЬ УШЕДШЕГО
И УГАДАТЬ ОБЪЕМ

Не попадает слово на предмет –
течёт, стекает, медлит, обтекает,
и волк голодный в пустоте икает
и хочет знать, когда иссякнет «нет».
Пейзаж дрожит, его сдирают, прячут:
дождит уже, и без деревьев дома,
а над «дождит» качается гамак –
пустой, натяжлив. Так что наудачу
веди слова, чтоб оправдать пропажу,
назвать ушедшего и угадать объём
невидимого и в него проём
и даже день, что был для нас отряжен.
Чего ж смотреть здесь было самому,
зачем гамак натянут беспредельно?
Слова текут, собираются артельно,
в портрет, но не доходят – чтоб ему...

Из книг ушли слова – пусты страницы.
Мутнеет голова, и беспокойней птицы,
как будто кто там беспокоит их,
летает с ними или уж без них.

Идти на цифру, перейти на цвет,
в раскраску книги, взрослых больше нет.

Остались высоты, длинноты, объёмы,
предметы без имени, счёт уцелел...
Пятый упал, восьмой входит в проёмы,
двадцатый плывёт – невелик, невесомый –
через что и кого, в неudel, в беспредел.

И нету излёта, и нет умиренья,
навстречу и вместо, на место и в счёт,
без резкости, ревности, робости, зренья,
во имя, во славу, в безгрешье успенья,
в дыханье и хланье, в приёмный угод.

181778/4

Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883

Центральная городская библиотека
АБОНЕМЕНТ

625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 51/3

III

И В ВЕДОМОСТИ
ИМЯ

5/61

Мой мальчик, ты рвёшься ко мне –
несешься, колотится сердце,
сквозь мышц рыжеликие дверцы
колотится единовеца
горячий собачий язык.

Я сам закопал тебя, мальчик,
в тот год високосный (был май).
Дыши на меня, донимай
прогулкой и встречных облай
как прежде – приветствия крик.

Тринадцать твои с половиной
и год без тебя – всё со мною.
Упрись же в меня головою,
щекой поседевшей, весною...
Я чувствую, как ты приник.

Я к этому жару привык.

Стоит извилист, не можась,
дождится, свет сбавляет в грязь,
тенься на солнце, вновь румяня ветр,
сползая по домам, как гетр –
мой день – с ноги футбольной.

Финалясь, замочиться в ночь,
и растолочь таблетку,
и бухнуться на сетку,
и в календарь дать метку,
и в ведомости имя
проставить: вторник – втор.
Залить чуть-чуть в прибор,
принять и двинуть прочь,
шнуры не сняв с розетки.
Тянуть себя пред ними –
оставить этот вздор,
я о шнурах, без гор...

В ХОСПИСЕ

«Зачем я здесь, — опять сказал. —
Я буду дома ждать».

И коридор был как вокзал,
катали в нём кровать,
столь буднично, под простынёй,
беззвучно, что в кино.

«Режим, братан, иди домой.
Там дальше только дно».

По земной коре
шлёп и шлёп пингвин –
не согреется средь других: один.

На пустой горе
только ветер да лёд,
не согреешься: серых тучек ход.

Во темной норе
мышь валяется –
моей Азией наслаждается.

На чужом дворе
клетки с клетками:
пёс седой ворчит, куры с детками.

Во твоей игре
благодатный звук
перемножится и уйдёт за круг.

IV

УТАИВАТЬСЯ

В СВЯЗЬ

10/10

Чего так ждут твои поля,
кого зовут они?
Вздыхает, охает земля,
бугруется, лонит.
Ещё зерно не сведено
и земледельцы спят,
ещё затянуто окно
в обтяжек переклад,
ещё белится пересвет
и вьючится в хлад дом,
но рвётся луч на да и нет,
топорщится углом.

Крошит поверхности на соль,
на до-ре-фа, в желток,
выглаживая бритвой голь,
проверчивая сток,
прослаивая перестук
звнящихся морщин,
подвешивая каждый сук
к орнаменту причин.

И пустотой руководя,
обхаживая и садясь,
на перемятые поля,
в их шоколад и грязь,
в их перемес и в их надкус,
в их насморк и надсад
как якорь опускает груз
сквозь трюмы, в недогляд,
в подкорки нежности, в сугроб –
проваленный как рот,
разъятый, сочный, годный чтоб
втащить весь небосвод.

Поля текут, поля спешат,
навзрыд бочатся, в дрожь
хрустаются и прячут взгляд,
толкнутся ни за грош,
ни за зерно, ни борозду,
за беспредел, за стон,
за поднебесную узду,
упершуюся в сон.

ЗАМЕДЛЯЯСЬ

I

Куда от утра деться,
от немоты ключиц,
от первородства детства,
стекающего с лиц,
от суеты вставаний,
касаний вскользь и щёк,
задушенных в лобзаннях,
поставленных на счёт
уходов и вязаний –
ручных, ножных, любых –
бормотных обещаний
в задых, отдых, поддых.
И прыгает, что заяц,
кадык – слов ученик,
и роцца выползает
на щёки и под них.

II

А сонная погода
всё тычется на глаз,
маячится у входа
и наползает в нас.
Здесь тащат жизнь наружу,
за стены, напоказ,
где ты как будто нужен
талдычить в сотый раз.
И не запомнить даже
и не унять уже,
чем был обезображен
твой лик, и в мираже
ты тянешься на ужин,
к щеке, которой нужен...

Предаться и отдаться,
пространства смять и смыть,
и в безотчётность братства
щекой небритой вбить.

И волнам покоряюсь,
волнуясь и волнясь,
взносясь и умиряясь,
утаиваться в связь.

III

Перетераясь, полнясь
и празднуясь навзлёт,
во времени удомясь,
умирясь в нёбный свод,
усновясь и развыкнув
в светлеющий продол,
уйти и не окликнуть
себя на звук и долг,
на голосащих матриц,
сгорающих в припев
от предвкушений каплиц,
отложенных на сев.

Орфейся и щеканься,
сочись и пенься всласть,
не каинся, не канься –
твоя пирвится власть.
И авелится жито,
и авелится песнь –
эфирятся, не сшиты,
но яснятся что есмь.

IV

Погода за погодой
наколется на глаз,
а ты любим и годен,
бессрочен всякий раз.
Утрется. Дохнётся
и уличится мир,
нацелится на солнце
и напылит эфир,
сотрёт щетины сердца,
оделится, вовремя
спределит ома, герца,
увяжет всё со всем.

Но лунные приливы,
отливы забытья
прильнутся, горделивы,
крикливы, как дитя,
напьянены и встречны,
увязливы, ушлы́,
среди громад запечны,
натяжливы, как швы.
Враз ткани расползутся,
швы разомкнутся, боль
предъявится, в минутцы
спадут твердыни: БО!

V

Известняки обтянут
безлюдства колыбель.
Кто призван не обманут,
ословил сам постель.
Оставь телес поклажу,
грузи сосуд – пока!
Слова, слова: улажу,
спаси-бо, облака...

Отдаться – передаться:
часы и календарь,
слова, слова... – стараться
сквозь пустоту и варь.

Чтоб облегать меня,
Лишь надо быть тобою –
Стекать по мне, воздушиться водою,
И колыхать сквозь слух сосудистой листвою,
И шелест не менять, и шёпот не менять.

Чтоб литься, облегать,
Твой череп намаячить
И такт его означить,
Земелиться как датчик, в такт пере-пере-датчик,
И пламенеть, что спать, и каменеть, что спать.

Чтоб облегать, чтоб облегать.

Возьми моё имя – дай имя горе.
Готов безымянным войти в январе
и жить безымянно. Не странно,
а как бы, поверь, иностранно.

И День – Рафаэль прорисуется в явь,
и ты меня вспомнишь,
всем телом объав.

Спрессуется всё
в мрамор и известняк,
и ты меня вспомнишь –
и будем мы так,
тесно и твёрдо,
как мрамор.

НОВАЯ ЦЕНА
103 руб. *50* коп.

